

КОРИФЕЙ УКРАИНСКОГО ТЕАТРА

«В ДНИ фельдфебеля-царя капитан Дрентельн Украиной правил и был убежден, что Украины нет, не было и не будет...»

С этих воспоминаний начал свое ответное слово на приветствия народного артиста Украинской советской республики Панаса Карповича Саксаганского, награжденного союзным правительством ко дню 50-летия Отечественной деятельности и 75-летия со дня рождения Орденом трудового красного знамени.

Перед взором старого мастера возник 1883 год, когда киевский сатрап Дрентельн запретил украинской группе играть во всем генерал-губернаторстве, в которое в то время входили «всего только» Полтавщина, Черниговщина, Подолля и Волынь. Старый мастер вспомнил, как еще раньше, в 1876 году «государь император повелеть соизволил «воспретить» печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов «на малорусском наречии», а также «воспретить различные сценические представления и чтения» «на том же наречии». В его памяти встали все 35 лет истории украинского театра—до Октября,—годы беспривия, кочевья и неустанной борьбы за право играть свой искусственно ограниченный национальный репертуар.

Панас Карпович Саксаганский—один из трех братьев Тобилевичей, сыгравших выдающуюся роль в истории украинского театра. Старший, Иван Карпович Тобилевич, под псевдонимом Карпенко-Карый (1845—1907) выступал в качестве актера и драматурга, оставившего свыше 20 пьес на бытовые, общественные и исторические темы. Второй брат—Микола Карпович Садковский (1855—1933)—приобрел крупную известность как актер и организатор, су-

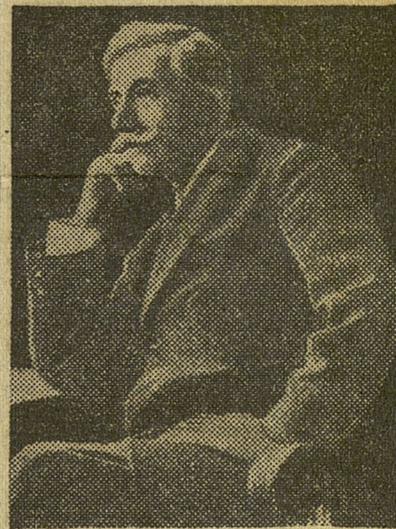
мевший провести ладью украинского театра через все препоны и шатрады царской России и поднять его, с момента открытия (после 1905 г.) постоянного театра в Киеве, на большую высоту. Младший из трех братьев—нынешний юбиляр—П. К. Саксаганский пользуется известностью прежде всего как замечательный актер и мастер комических ролей.

«Счастливая фигура, выразительное лицо, прекрасный голос и бесспорный талант»,—писал о Саксаганском Суворин во время петербургских гастролей труппы Кропивницкого. Это верно. Но это не все.

Саксаганский не удовлетворился режиссурой Кропивницкого, учившего своих актеров «с голоса». Он тщательно изучает мировую классическую драматургию. Он увлекается одно время Лессингом и «восстает» против сценических теорий Дидро, казущихся ему чрезмерно рационалистичными. Великие актеры—Посарт, Росси и Сальвини, которых Саксаганскому привелось видеть, становятся его подлинными учителями. Он понимает, что одним «нутром», на которое рассчитывали его собратья по сцене, многого не сделаешь и не достигнешь. И готова роль, Саксаганский изучает всю пьесу, что по тем временам редко кто делал не только на украинском, но и на русском театре. Он работает над ролью, доискиваясь малейших оттенков, сознательно и обдуманно размещая мизансцены, паузы, действия и т. д., что опять-таки по тем временам было большой редкостью в актерской практике. «В день спектакля,—вспоминает в статье «Как я работаю над ролью» (1920 г.) Саксаганский,—я избегал всяких посторонних разговоров, не обедал и то и дело восстанавливал в памяти трудные места роли.

За два с половиной часа до представления я шел в театр и, загримировавшись, старался «всякое ныне житейское отложить попечение» и шаг за шагом отрешался от себя... Перед выходом я забывал все и переносился в иную, чужую жизнь».

Большая природная талантливость и осозанный труд принесли Саксаганскому выдающиеся сценические

Народный артист УССР
П. К. Саксаганский

победы. Он играл—прекрасно играл—и драматические роли, но в историю украинского театра он входит, как мастер комического. Мы располагаем непосредственной записью исполнения Саксаганским одной из коронных его ролей—Голохвостова в комедии «За двома зайцями». Современник рассказывает:

«Голохвостый хочет объяснить зрителям Проню (девушка, за которую он сватается) разницу между человеком «образованным» и человеком «простым»... Интонации, наморщенное чело, движения, слова—все это говорит зрителю, что Голохвостый сейчас действительно объяснит в чем разница. Зритель ждет, зритель заинтересован—вот-вот сейчас этот дурацкий парикмахер скажет умное слово... И парикмахер действительно собирается его сказать—он только не находит соответствующего слова... Он еще глубже усаживается в кресло, производит руками какие-то неопределенные, будто поясняющие движения, брови его еще больше насупились, вот-вот он сейчас скажет... Нервы зрителя напряжены... Но неожиданно физиономия Голохвостова сразу меняется: в глазах блеснул испуг, на устах неуверенная улыбка... Ей-богу, он забыл, что хотел сказать... Но это одна секунда. Вновь лицо его принимает важное, самодовольное выражение, и артист самоуверенно объявляет: «я тому подобное»... Родители Проньки, афропированные таким «господским» выражением, с уважением склоняют головы, как будто они действительно поняли разницу между человеком образованным и человеком простым. На физиономии Голохвостова самодовольная усмешка: он нашел умное выражение («я тому подобное»), он объяснил разницу между «образованным и необразованным» человеком—он важничает и сам радуется своему умному объяснению. Зритель же, с напряженным вниманием следивший за «потугами» парикмахера, готовившегося сказать что-то необычайно умное, и услышав, наконец, это «я тому подобное», естественно начинает смеяться: его на-

пряженное ожидание неожиданно окончилось ничем...»¹.

Этот актерский «серьез» в самых смешных положениях роли—одна из характернейших черт в мастерстве Саксаганского. Но это не голый технический трюк. Большая жизненная правдивость и убедительная психологичность пронизывают все образы, созданные актером-реалистом. Он привносит в свои роли, ограниченные селянской тематикой дореволюционной украинской драматургии, огромный личный жизненный опыт, свое глубокое знание народного быта. И поэтому как бы ни был примитивен зачастую материал, над которым работал Саксаганский, создаваемые им образы несли зрителю радостный, бодрый, громкий смех подлинного и большого искусства.

В свой юбилей Саксаганский проработал в своей роли, ограниченные селянской тематикой дореволюционной украинской драматургии, огромный личный жизненный опыт, свое глубокое знание народного быта. И поэтому как бы ни был примитивен зачастую материал, над которым работал Саксаганский, создаваемые им образы несли зрителю радостный, бодрый, громкий смех подлинного и большого искусства.

Украинский советский театр ушел далеко вперед от своего предтечи—бытового, этнографического театра. Но то, что было в последнем народном и мастерского, то—наше. Наш и мастер Саксаганский, которого правительство СССР удостоило высокой награды и которого приветствуют в дни юбилея все трудящиеся и все мастера искусства народов СССР.

И. КРУТИ

¹ Д. Антонович. «Триста рок в украинского театру». Прага, 1925 г.